

ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГОРГОНЫ

Юрский классно Хармса читал. Иногда казалось, что это он сам, вот сейчас, при нас все выдумал. Незаконченные вещи вообще исполняются лучше. В них как будто воздух оставлен для того, кто превратит это в звук. Внесет паузы и расставит акценты. Согреет своим дыханием. Исполнение – это двухголосие.

Так что можно, наверное, сказать, что в определенном диапазоне Хармс хорош. Но если смотреть на него как на литературное явление, в нем слишком много кокетства и мало любви. Мне кажется, это от того, что он больше всего на свете не хотел быть узанным. И вся его ирония была направлена на то, чтобы спрятать глубоко терзавшую его боязнь оказаться несостоятельным. Страх перед самим собой был движущей силой его литературного таланта.

Множественность псевдонимов, постоянная готовность шутить, нелепые наряды, вечное стремление быть смешным все время, даже в домашней своей жизни – это от неизбежного страха перед опасным демоном свободы, который жил в нем и мог вырваться в любую минуту. И выдать некрасивые и маленькие тайны испуганного обывателя. Поэтому у него нет ни одной толком законченной вещи – все какие-то наброски, обрывки, эскизы. Я думаю, что он отчаянно боялся узнать однажды свою настоящую природу. Да много ли таких, кто не боится?